

ВЛАДИМИР КАРПОВ

УТЕШЕНИЕ

РАССКАЗ

Белая ледяная река.

Необыкновенная красота. И невыносимое уныние.

Он подъехал к маленькой неопрятной гостинице. И как ниспосланная воплощенная надежда, на крыльце, обрамленном перилами, стояла молодая высокая, с распущенными светлыми волосами, женщина. Курила. Была чуть навеселе.

— Здравствуйте, — бодро нашелся Иван, о чем заговорить, — не знаете, места в гостинице есть?

— Мы группой приехали, я не знаю. Конечно, найдется, — заторопилась с гостеприимством женщина.

— А почему вы здесь одна?

— А я одна.

— И я один.

Все складывалась до нереальности здорово: утешение словно нуждалось в нем.

— Только мне уже четвертый десяток? — почему-то вопросительно сказала женщина.

— Прекрасный возраст!

— А мне горько.

КАРПОВ Владимир Александрович родился в 1951 году в городе Бийске Алтайского края. Окончил Ленинградский театральный институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Первые его рассказы были опубликованы в журнале "Наш современник". Автор книг прозы "Бежит жизнь", "Плач по Марии", "Танец единения души" и других. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе имени А. М. Горького. Член Союза писателей России. Живёт в Москве

— О, а у меня как раз шоколадка в кармане!

— Мне?! Мне уже давно никто ничего не дарил! — несоразмерно своей доброй стати женщина заискивающе улыбалась. — Я думала, мужчин уже нет. А они есть, да?

— Самый натуральный, — раскинул Ваня руки.

— У нас там дискотека, — указала женщина в сторону бухающего шума. — Вы приходите. Меня Галя зовут. Только вы сами ко мне подойдите, ладно?

Иван спешно снял захудалый номер, занес из машины вещи.

Галя свечой возвышалась в кругу квадратных прискакивающих баб. Подошел, пригласил танцевать.

Правая рука обнаружила упругую статью, а левая — легла на развернутое, ладное, как почудилось, надежное плечо. Глаза их плыли в полутьме почти на одном уровне, что для рослого Ивана было непривычным, и он казался себе мелковатым рядом с этой породистой молодой женщиной.

— Я хочу быстрый танец, — отпрянула она.

И воздев руки, Галя пошла, выделявая крутыми бедрами узорные кренделя, не обращая внимания ни на кого: только что она проявляла к нему интерес, и вот, как это умеют женщины, он уже для нее не существовал.

Едва стихла музыка, Ваня поймал ее руку, и она, вновь на удивление податливо, пошла за ним.

Сели за свободный столик. Ваня налил по треть стакана из припасенной загодя бутылки: ни бара, ни буфета здесь не было, только кухонная посуда. Женщина хлопнула одним махом и заулыбалась.

— Только мне уже тридцать четыре, — опять сообщила Галя. — А вам сколько?

— Сорок семь, — убавил Иван.

— О-о-й, какой хороший возраст для мужчины! — сказала Галя обрадованно.

Все шло как по маслу.

— Хочу спеть караоке! — вспыхнула Галя. — Ты можешь для меня заказать? Это бесплатно. Здесь все оплачено. Там, на стойке, альбом...

Она пела, не глядя на экран, где шли строки со словами, всему залу, на всю эту российскую ширь, голосисто, точно по музыке, с тем излишним напором, надрывом, которые в общей приподнятости были как раз впору.

— А й-я наш-ше-ол другую-у, хоть не люблю, н-но целую-у...

Ивану показалось, что он на стадионе: таким гулом и одобрением отзывался зал. Галя была здесь несомненной звездой. Была любимицей и душой.

Они выпивали, танцевали. Ей нравился темп, завод, лихость, и Ваня кружил ее, поднимал вдруг на руки, показывая силу, она взвизгивала, прижимаясь к нему, в полном счастье.

— А тебя не удивило, когда я сказала, чтобы ты ко мне сам подошел?

Они, разгоряченные, запыхавшиеся, опять сидели вдвоем за столиком. Она странно водила ладонью по столу, как бы поглаживая.

— Да нет, женщине же неудобно первой подходить.

— Я слепая, — напарила она зажигалку. — Инвалид первой группы по зрению.

Слепоту обычно заметно: асимметрия в глазах. У женщины напротив был совершенно открытый взгляд, правильной формы глаза.

В девятнадцать лет Галя отправилась на заработки в студенческие каникулы: собирала арбузы под Астраханью. Сезон на арбузах, выращенных на селитре, отобрал зрение.

— Нам говорили, что их есть нельзя, но ведь мы же молодые были. И все, кто там был, заболели: на каждом отразилось это по-своему. Одни стали бесплодными, другие — желудочниками. У кого какое место было слабое, то и сдало. Может, так было надо, иначе я бы слишком гордая была.

Иван только теперь обратил внимание, сколько в зале людей в очках с толстыми, почти непроницаемыми стеклами. Были и с очевидным косоглазием, и, видимо, совершенно незрячие: рядом с пареньками за столиками стояли трости.

— Это гостиница Общества слепых.

Женщины — мясистые Галины подружки — мячиками припрыгивали вокруг. Две девчонки: крупная, с лицом прилежной ученицы в роговых очках, и маленькая, резвая, носились туда-сюда, таская за собой паренька, по-хоже, невидящего совсем.

— Вот вы уже и отшатнулись от меня, — улыбнулась печально Галя.

— Нет, что ты, нет! Я просто... не сказала бы, я бы этого даже не поняла.

— Силуэт я вижу, но человека не различаю.

Она была слепая, а он переставал слышать. Господи, да что же это?! Он искал утешение, а что нашел? А может, и утешение? Что его терзания в сравнении с ее потерей?

Переместились к нему в номер. Он сидел на низкой кровати, а Галя — возвышалась на стуле возле столика, со стаканом и сигаретой, нога на ногу.

— Женщина любит не за секс, не за заботу, — склонилась она вдруг к нему. — Она любит того, кто ее отвергает, кто ее, — Галя танцевально повела ногой, — постоянно футболит.

Это было в точку: в душевную муку. Ваня потянулся к слепой, которая про него, как показалось, так все сразу поняла. Здесь, под светом яркой лампочки, он разглядел: в хрусталиках глаз ее, в самых сердцевинах, темнели продолговатые тонкие цилиндрики, — глаза были словно навсегда удивленными.

— Любовь — это такие переживания, — сделала она путанные движения руками. — Когда-то я мужа не любила, а теперь он меня терпит. Себе “десятку” купил, на иномарку копит, а мне машину стиральную, автомат, не покупает. Хотя я хозяйка не хуже зрячей. У меня дочь — отличница, в школе — никто не знает, что мать слепая, — вся ухоженная, чистенькая... А что делать, кому я ещё нужна?

— Ну, не скажи.

— Ты бы на мне женился? — она не ждала ответа. — Сейчас, у нас там закуски с ужина полно, соки. Я принесу и тебе всё про тебя скажу.

Каждым своим движением она будто куда-то спешила, так же мгновенно принесла и расставила на столе столовую тарелку со стогом порций творожной запеканки, булочками с глазурью, открытую большую коробку сока. Гостиницу и расстановку мебели, видимо, Галя знала как родной дом: никто бы не заподозрил, что она движется, как в ночной мгле.

Он исповедовался слепой, проявляя слабость, смятение, терзаясь и не зная, как быть?

— Она тебя не любит, — вынесла приговор слепая. — Любит того. Я это по себе знаю. Тебя не любит, но никогда не оставит. Когда ты рядом, ты будешь ее раздражать. А когда тебя нет, ей тебя будет не хватать. Она тебя не жалеет и жалеть не будет. Но все время будет держать на поводке. Тебе это надо? Мой добрый тебе совет: брось. Резко. Выкини из сердца и разотри. Иначе измучаешься. Найди другую, соврати, впейся в нее, в ту, другую! Женщина, она как выон, почувствует, скоро обовьет, потом сам будешь удивляться, из-за чего так переживал?

Он молчал. Думал.

— А если нужна, если так любишь, что не можешь, забирай, увози отсюда, от него, от ее зависимости, от всего привычного, и держи возле себя, — показывала Галя, крепко сжав кулак. — Но не делай того, чего она хочет. Сейчас ты в ее власти, а ей надо почувствовать над собой власть. С тем она власть чувствовала. Женщина любит силу.

— А был такой, сильный, которого ты любила?

— Был. Там же, на арбузах. За мной сколько парней увивалось: дышать боялись! А он меня прокинул по полной программе и уехал. До сих пор не могу. Люблю! Есть у меня и такой, как ты для своей: хоть сейчас позволю, все бросит, приедет. Поэтому и советую: бросай. Или увози.

— У нее ребенок.

— Ну и что?

— От него ребенок!

— И что?

— Выблядыш! — вырвалось у Ивана.

— Ты про кого так, про ребенка?! Я думала, ты мужчина, а ты!..

Галя чуть не вышибла дверь: была — и нет!

Он опрокинулся на постель, полежал, глядя на образовавшуюся от подтеков на потолке морду вурдалака. Поднялся, вышел в коридор. Девушка, видимо, недавно заселившаяся, из душа, в халатике, гордо несла себя навстречу, чуть не доходя, четко сунула ключ в скважину, сделала два оборота, скрылась за дверью. “Зрячая”, — отметил Иван. Двое слепых, молодые парни, двигались, держась друг за друга: первый шарил рукой по стене, второй шел следом. Без стука оба ввалились в ту дверь, куда вошла и девушка.

— Вы что, совсем, что ли?! — раздался истерический крик. — У меня сейчас муж придет! У меня муж — боксер!

— Извините, извините, — спинами назад, мелко тряся головами, выпячивались слепые. — Мы перепутали.

Галя выскочила из соседней комнаты, подхватила под локти парней.

— Они перепутали, они ко мне.

— Напьются как скоты. К кому идут, не могут найти!

Девушка так и не поняла, что перед ней слепые. Раздраженно захлопнула дверь.

Парни, как дети малые, счастливо вцепившись в кофту, посеменили за Галей. В ее комнате послышались шумные голоса, смех.

Ваня спустился на первый этаж. Из зала, где еще играла музыка, лавиной выносилась толпа.

— Ну, пойдем, пойдем, выйдем, коза драная!

— Сама ты телка жирная!

Слепые и плохо видящие шли в боевой разборке. Бестии, все таскавшие за собой незрячего паренька: слоновьи крупная, с лицом отличницы, в роговых очках, и мелконькая, шустрая, как мышка, вцепились друг в друга, удерживаемые людьми, заметались во всю мощь, прыть, напор, кричали во всю силу горла.

— Лариска, пойдем покурим! — влетела в тамбур Галя.

Богатырка Лариска, польщенно переваливаясь с ноги на ногу, брала из Галиных рук сигарету:

— Ну, а что она, в натуре? — поводила она могучим плечом.

— Все, проехали.

“Мышка” выскочила тотчас, как бы настаивая на своем праве быть здесь же.

— А что она?!

— Я сказала, — протянула ей Галя сигарету.

Три огонька появились в полутьме. Иван стоял по другую сторону крыльца: его не замечали.

— Домой охота, — проговорила Галя. — По дочке соскучилась.

— Каждый раз так, — вздохнула мелкая. — Рвешься сюда, рвешься, а приедешь — и понеслось.

— Ты это про кого?

— Пошли, — затушила Галя сигарету.

Огонек сигнализации мелькал на лобовом стекле машины, как маяк. Снег пошел, повалил легкими большими хлопьями.

В комнате, на том же месте, как ни в чем не бывало, сидела Галя.

— Ты на машине?

— Да, ты стояла, когда я подъехал.

— У тебя иномарка?

— Иномарка, — усмехнулся Иван.

— Давай покатаемся! Меня муж никуда с собой не берет.

— А этот, который всегда может приехать?

— У него “Жигули”, — улыбнулась лукаво Галя, — вся воняет.

Свет фар разбивался о белое скользкое полотно. Наклонная, не наезженная, припорошенная тальм снегом дорога поднималась вдоль обрыва. Иван медленно, настороженно миновал опасное место, полностью протрезвев, остановился у храма, старинного, строгого, с неожиданно ярким, огненным шлемом купола.

С откупоренной бутылкой шампанского в руке Галя шла вперед, к высокому, обрывистому берегу. Он держал руку наготове: если она оступится. Галя остановилась строго перед обрывом и еще отмерила полступни, кончиками носков нащупывая край.

— Волга! — произнесла она. И запрокинула дно бутылки.

— Мне на это тяжело смотреть: я стою как в прыжке.

— Неужели будешь ловить? Неужели стал бы? — чуть подвинулась Галя.

— Да не шгтай ты меня! Иди сюда, — осторожно, боясь вспугнуть, потянул он ее на себя.

— Тебе жить охота, я понимаю, — смеялась она. — А мне — хоть сейчас бы! Если бы не дочь!..

Женщина скользнула ладонью по его руке, вновь развернулась к Волге.

Снег падал редкий, будто кончались небесные запасы. Хлопья вдруг взвивались в неосязаемых воздушных потоках, теряясь за пределами высвеченного фарами пространства.

— Почему вы, мужики, так стерв любите?

Галя круто запрокинула бутылку, поперхнулась, согнувшись пополам, ноги тотчас скользнули по краю, и, широко взмахнув, она взвилась над обрывом. Глаза его так и зафиксировали: полет. Каким чудом ему удалось поймать ее? Подхватить, будто птицей соколом? Он просто обнаружил женщину в своих руках, причем уже далеко от края мыса, куда они приземлились, словно упав с высоты.

— Все, чтоб больше туда ни ногой!

А ей было весело — как ей было весело! Она хохотала, извиваясь, победоносно счастливая.

Когда вернулись к машине, Галя потребовала:

— Включи музыку, потанцуем!

Он стал искать волны, выбирая спокойную мелодию.

— Оставь эту, — выбрала она ритмичную, быструю музыку. — Сделай громче! Еще громче! На всю!

Динамики забухали, сотрясая машину и, казалось, все это спокойное величавое пространство. Женщина танцевала, рослая, статная, сильная. Как тогда, в девятнадцать лет, под Астраханью, на бахче, где поспешно высеивали арбузы, — необозримое поле арбузов, которые студенты собирали в горы, утоляли арбузами жажду в палатке солнечные дни, закусывали ими вино теплыми вечерами, пели, веселились до утра и танцевали, танцевали!..

— Классно!

Да, она не видела этой безмятежности вокруг, храма, призванного охранять покой. Или, по-своему, видела, понимала, а ей именно этого и хотелось: сотрясти саму вечность!

— Ее ребенок тебе всегда будет напоминать того, другого, — со злобой радостью стала выговаривать танцующая женщина, — которого она выбрала вместо тебя! Ребенок от него ей всегда будет напоминать его, и ты будешь это видеть. А под старость тебе придется нянчиться с внуками, которые будут походить на него, ее настоящего избранника! И ты будешь смотреть, как она им радуется, и будешь думать, что она радуется ему! Они будут играть, смеяться, а тебе будет хотеться их пострелять, потому что они будут такие же уверенные и наглые, как он! Они выместят тебя из ее жизни, но ты уже ничего не сможешь сделать, потому что будет поздно, и ты будешь зависим от этой женщины. Ты будешь всю жизнь тащить на себе чужие грехи!

— Да не чужие это грехи! — воскликнул он, почти не слыша себя в музыкальных ритмах. — Все так и не так. Она... не стерва. Я сам во всем виноват! Она... — Иван не мог объяснить. — Она чистая девочка, она просто очень много ждала от жизни, хотела любить, рожать детей, хотела жить всерьез, а я искал утешения, забавы. Нам всем ничего не нужно всерьез, всерьез нам страшно. Мы вообще не знаем, что нам нужно!

— Как все у всех одинаково! — запрокинула в смехе Галя голову. — Даже слушать не хочу! Как вам, мужикам, легко задурить голову! Вы слышите только то, что хотите слышать! Она в кладовке с чужим мужиком у

тебя под носом запрется, а потом убедит тебя, что все по большой любви к тебе, и ты будешь верить, потому что ты уже решил, что она святая!

— Галя, давай сделаем тише музыку, — стиснул зубы Иван. — Здесь же собор, Успенский!

— Извини. Я забыла. Ты же со слепой...

Он включил тихую медленную мелодию. Вызволил из ее руки бутылку, поставил на землю. Повел слепую в танце.

— Ты на меня не обиделся?

— А ты хотела меня обидеть?

— Я ведь женщина.

Снег витал ватными хлопьями.

— Не понимаю, зачем тебе: имеешь мужа, есть мужчина, который всегда готов утешить, и ты еще продолжаешь думать о том, с которым на арбузах...

— И танцую с четвертым?

— И танцуешь с четвертым.

— И никому не нужна?

— А вы хотите всем быть нужными? — вмиг обозлился Иван. — Не получится в этом деле — всем!

— Я за свои грехи расплатилась, — склонила Галя голову.

Снег повалил густо, стеной. Они словно поднимались по летящим тающим белым снежинкам, кружились, воспаряя все выше и выше.

Может, и стоило все его терзание, думалось ему, этих мгновений, этой обнажившейся земной красоты, этого пронзительного ощущения жизненной благодати.

— Так бы сейчас и умереть, — придвинулась она к нему. — И на том свете так и оказаться — вдвоем.

Глаза ее блеснули в луче, и там, в хрусталиках, он увидел маленькие, открытые дверцы в темноту. Во мрак. В невидимую сторону бытия.

— А дочь как? — вымолвил Иван в неожиданном страхе.

Она припала к нему щекой. Горячей, ласковой. Влага — талый ли снег, слезы ли, сбежала каплей ему на шею.

— Не ешь арбузы до сентября, — словно стена, запричитала Галя. — Не ешь арбузы с желтыми прожилками. Не ешь ранних арбузов...

В гостинице, в полной коридорной тьме, он почувствовал себя тем слепцом, которого видел на ощупь пробирающимся вдоль стены. Галя теперь была зрячей: вела его твердо, без сомнений.

Ночью Иван не то чтобы просыпался, а как бы вырывался из сна, обнаруживая Галю рядом: они спали "валетом". Он снова погружался, ухался в сон, слыша, как откуда-то оттуда, из-за окна, вместе с движущимся, предутренним сизым светом, просачивается голос:

— Не ешь ранние арбузы, не ешь арбузы с золотыми прожилками...

Так их и захватило восходящее солнце, расколотое дольками арбуза: в провалившейся утробе одноместной кровати они лежали, как два близнеца-эмбриона, которым еще только предстояло родиться.